

По делу «Менешева против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

г-на Х. Л. Розакиса, *Председателя Палаты*,
г-жи С. Ботучаровой,
г-на А. Ковлера,
г-жи Э. Штейнер,
г-на Х. Гаджиева,
г-на Д. Шпильманна
г-на С.Е. Йебенса, *судей*,
а также при участии г-на С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,

проведя 14 февраля 2006 г. совещание по делу за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 5926100), поданной в Европейский Суд (далее — Европейский Суд или Суд) 20 июня 2000 г. против России гражданкой Российской Федерации Ольгой Евгеньевной Менешевой в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).
2. Власти Российской Федерации (далее — государство-ответчик) в Европейском Суде были представлены г-ном П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявительница жалуется в Европейский Суд на ненадлежащее обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел, отсутствие эффективного расследования по ее жалобам на ненадлежащее обращение, незаконный арест и задержание и отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в связи с названными жалобами.
4. Жалоба была передана в производство Первой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках данной Секции для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) Палата была сформирована в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Суда.
5. Решением от 15 января 2004 г. Европейский Суд объявил жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу.
6. Заявительница и государство-ответчик представили доводы по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). Проведя консультации со сторонами, Палата приняла решение, что проведение устного слушания по делу не является необходимым (пункт 3 *in fine*¹ правила 59 Регламента Суда). Стороны представили письменные комментарии к доводам друг друга.
7. 1 ноября 2004 г. Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Дело было передано в производство Первой Секции в новом составе судей.

* От редакции: по делу заявительница обратилась в Европейский Суд с жалобой на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, непроведение властями эффективного расследования по эти фактам, незаконный арест и задержание, равно как и на недоступность эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в связи с ее делом. Европейский Суд счел, что в отношении заявительницы российские органы правопорядка допустили нарушения статей 3, 5, 6 и 13 Конвенции, и постановил выплатить заявительнице 25 рублей в качестве компенсации материального ущерба и 35 тысяч евро в качестве компенсации морального вреда.

¹ In fine (лат.) — в конце (примечание редакции).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МЕНЕШЕВА ПРОТИВ РОССИИ»*

(жалоба № 59261/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
9 марта 2006 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

ФАКТЫ

1. Обстоятельства дела

8. Заявительница — 1979 года рождения, проживает в г. Батайске Ростовской области.

9. 11 февраля 1999 г. органы внутренних дел начали расследование уголовного дела об убийстве, в котором Л. был признан подозреваемым. Предполагалось, что Л. был знакомым заявительницы.

10. В тот же день сотрудники органов внутренних дел решили разыскать Л. по месту жительства заявительницы.

11. 12 февраля 1999 г. около полуночи сотрудники органов внутренних дел прибыли к квартире заявительницы, как представляется, для проведения обыска, но поскольку они не предъявили санкции на обыск, заявительница не пустила их в квартиру.

12. На следующий день,

13 февраля 1999 г., около 16 час. 30 мин. трое сотрудников органов внутренних дел в гражданской одежде ожидали заявительницу у входа в ее квартиру. Один из них предъявил удостоверение майора милиции С. и потребовал впустить его в квартиру. Поскольку у сотрудников милиции по-прежнему не было соответствующей санкции, заявительница в квартиру их не пустила. Сотрудники органов внутренних дел настаивали, и между ними и заявительницей произошла острая словесная перепалка, в ходе которой обе стороны высказывали угрозы и оскорбляли друг друга. Наконец, майор приказал арестовать заявительницу. Его подчиненные П. и Б. схватили заявительницу, перевернули ее вверх ногами и, продолжая запугивать ее, бросили в машину, на которой не было обозначений того, что эта машина была милицейской. По пути майор С. угрожал заявительнице, говорил, что он избьет членов ее семьи и ограбит ее квартиру во время обыска.

13. Заявительница была доставлена в отдел внутренних дел Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону. Заявительнице не сообщили о причинах ее доставления в отдел внутренних дел. Согласно последующим утверждениям государства-ответчика было необходимо составить официальный рапорт о том, что заявительница оказала злостное сопротивление сотрудникам органов внутренних дел. Однако в рапорте сотрудников милиции указывалось, что заявительница была доставлена в отдел внутренних дел для допроса.

14. В отделе внутренних дел Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону заявительнице привели к заместителю начальника отдела уголовного розыска, который допросил ее о местонахождении «ее мужа». Заявительница сообщила ему, что никогда не была замужем, после чего он стал душить ее руками, а несколько других сотрудников милиции стали избивать ее. Примерно в течение двух часов они наносили удары ногами и руками по ее ногам, швыряли ее по комнате, наносили ей удары дубинкой и

- били головой о стены. Избивая ее, они обвиняли ее во лжи, оскорбляли ее, угрожали ей изнасилованием и применением насилия к членам ее семьи.
15. Заявительница просила сообщить ее родственникам о ее задержании; она также просила оказать ей медицинскую помощь и просила разрешить ей связаться с адвокатом. Все ее просьбы были отклонены.
 16. В конце допроса заявительницы в отдел внутренних дел пришел заместитель прокурора Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону Д., который вошел в комнату, где избивали заявительницу. Заявительница воспользовалась этой возможностью и пожаловалась на свое задержание и избиение. Д. выслушал ее и предложил ей написать жалобу на его имя в связи с ее незаконным задержанием, но не рекомендовал ей жаловаться на ненадлежащее обращение с ней. Заявительница утверждала, что сразу же написала свою жалобу и передала ее Д.
 17. После этого, примерно в 19 час. 00 мин. заявительницу привезли домой, поскольку сотрудники органов внутренних дел хотели произвести обыск в ее квартире. Соседка заявительницы З. была приглашена в качестве понятой, и сотрудники милиции сказали ей, что они ищут Л. З. пояснила им, что он здесь не живет. Сотрудники милиции настаивали на проведении обыска в квартире, однако выяснилось, что у них по-прежнему не было соответствующей санкции, и заявительница снова отказалась впустить их в квартиру. После непродолжительной борьбы заявительницу снова схватили и поволокли кверху ногами в машину, при этом она билась головой о стены и лестницу. Ее снова доставили в Железнодорожный отдел внутренних дел, где ее избили, запугивали и обвиняли в том, что она укрывала Л. После этого ее поместили в камеру.
 18. Заявительницу держали в камере до 14 час. 30 мин. 14 февраля 1999 г. Хотя этот факт никогда не оспаривался, никаких записей об этом периоде заключения заявительницы под стражу не имеется.
 19. 14 февраля 1999 г. около 14 часов заявительницу подвергли личному досмотру и изъяли у нее ключи от ее квартиры. Позднее в тот же день прокурор Железнодорожного районного отдела внутренних дел г. Ростова-на-Дону выдал ордер на обыск квартиры заявительницы, и обыск был произведен.
 20. В тот же день заявительница предстала перед должностным лицом, которое, не представившись, сказало ей: «пять суток». Впоследствии заявительница узнала, что это был судья П. Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону и что фраза «пять суток» означала пять суток административного ареста за совершение административного правонарушения в виде злостного неповиновения сотрудникам милиции. В тот же день заявительница была доставлена в спецприемник для отбывтия административного наказания.
 21. 18 февраля 1999 г., когда срок пятидневного административного ареста заявительницы истек, майор милиции С., который арестовал заявительницу, забрал ее из спецприемника и отвез ее в Железнодорожный районный отдел внутренних дел г. Ростова-на-Дону, приказал ей вымыть полы, и после того как она закончила, он отпустил ее.
 22. 19 февраля 1999 г. заявительница прошла медицинское обследование. Врач, обследовавший ее, установил у нее многочисленные кровоподтеки на лице, ногах, ссадины на лице, челюсти, шее и ногах, и отек мягких тканей головы.
- 1. Разбирательства в связи с жестоким обращением и незаконным задержанием заявительницы*
23. 11 марта 1999 г. Уполномоченный по правам человека в Ростовской области от имени заявительницы подал жалобы начальнику Главного управления внутренних дел Ростовской области и прокурору Ростовской области. В жалобах содержалось требование о проведении расследования фактов ненадлежащего обращения с заявительницей со стороны сотрудников органов внутренних дел и ее незаконного задержания; к жалобам прикладывались подготовленное заявительницей детальное изложение обстоятельств дела и медицинское заключение от 19 февраля 1999 г.
 24. 15 марта 1999 г. заявительница подала иск о возмещении вреда в Батайский городской суд Ростовской области, ссылаясь на факты ненадлежащего обращения с ней со стороны сотрудников органов внутренних дел и оспаривая законность ее ареста и обыска ее квартиры.
 25. 30 марта 1999 г. заместитель начальника Главного управления внутренних дел Ростовской области проинформировал заявительницу о том, что в связи с ее жалобой была проведена служебная проверка и что ее утверждения были признаны необоснованными. Информация о результатах служебной проверки была направлена в прокуратуру. При этом заявительница была также проинформирована о том, что некоторые сотрудники органов внутренних дел были привлечены к дисциплинарной ответственности. Уполномоченный по правам человека администрации Ростовской области получил письмо такого же содержания.
 26. 12 апреля 1999 г. заявительница получила письмо от заместителя прокурора Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону Д., которого она встречала в отделе внутренних дел (см. выше, пункт 16 настоящего постановления). Он сообщил заявительнице, что ее жалоба на действия сотрудников органов внутренних дел поступила к нему из прокуратуры г. Ростова-на-Дону и что он принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников органов внутренних дел, которых заявительница обвиняла в совершении незаконных действий.
 27. 7 мая 1999 г. прокурор Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону Х. проинформировал Батайский городской суд Ростовской области, как представляется, в ответ на запрос этого суда, о том, что документов, подтверждающих факт ареста и задержания заявительницы, не имелось.
 28. 9 июня 1999 г. заместитель прокурора г. Ростова-на-Дону поддержал ранее принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с жалобой заявительницы.
 29. 22 декабря 1999 г. Батайский городской суд Ростовской области рассмотрел жалобу заявительницы и постановил, что обыск квартиры заявительницы, первоначальное ее задержание и пятидневный административный арест были законными. Батайский городской суд Ростовской области пришел к выводу, что действия сотрудников органов внутренних дел были законными, поскольку были санкционированы прокурором, и что задержание было необходимым для целей расследования уголовного дела об убийстве. Что касается утверждений о ненадлежащем обращении, то Батайский городской суд Ростовской области сослался на отказ прокурора в возбуждении уголовного дела в связи с жалобой заявительницы на действия сотрудников органов внутренних дел и на вывод служебной проверки, проведенной органами внутренних дел, согласно которым факты ненадлежащего обращения подтверждения не нашли. Суд отклонил медицинское заключение как не относящееся к делу и постановил, что утверждения о ненадлежащем обращении были необоснованными.
 30. 23 февраля 2000 г. судебная коллегия по гражданским делам Ростовского областного суда рассмотрела кассационную жалобу заявительницы и оставила без изменения решение нижестоящего суда по делу.

2. Жалоба на административный арест

- 31. 15 марта 1999 г. заявительница предприняла попытку обжаловать ее пятидневный административный арест в Ростовский областной суд. Она утверждала, что ей было неизвестно имя должностного лица, которое приняло решение о ее аресте, которое не задавало ей вопросов, не проинформировало ее о каком-либо предъявленном ей обвинении, не объяснило ей цели ее доставления к этому должностному лицу и не предоставило ей копию процессуального решения о ее аресте.
- 32. 17 марта 1999 г. тот же судья, который назначил заявителнице наказание в виде пяти суток административного ареста, проинформировал ее о том, что соответствующее процессуальное решение не может быть обжаловано, но на него может быть принесен протест прокурором.
- 33. 25 марта 1999 г. заявительница подала жалобу в Железнодорожный районный суд г. Ростова-на-Дону и Ростовский областной суд. Она оспаривала отказ в рассмотрении ее жалобы в порядке гражданского судопроизводства.
- 34. 26 мая 1999 г. председатель Ростовского областного суда ответил заявителнице, что, исходя из материалов дела, ее арест был законным, поскольку был назначен за совершение ею административного правонарушения в соответствии с нормами материального и процессуального права.
- 35. 17 июля 1999 г. заявительница подала в Ростовский областной суд жалобу на постановление о ее административном аресте.
- 36. 23 августа 1999 г. исполняющий обязанности председателя Ростовского областного суда сообщил заявителнице, что закон не предусматривает подачи жалобы на постановление о наложении административного ареста.
- 37. Впоследствии заявительница пыталась обжаловать названные процессуальные решения, но ни одна из ее жалоб не была принята к рассмотрению на том основании, что ее жалобы были неподсудны. Последнее процессуальное решение в связи с этим было постановлено 1 декабря 1999 г. Ростовским областным судом.

3. Дальнейшие разбирательства

- 38. 15 января 2003 г. прокуратура Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону возбудила уголовное дело по поводу обстоятельств задержания заявительницы и ее содержания под стражей в течение ночи и в связи с ее утверждениями о ненадлежащем обращении.
- 39. 28 февраля 2003 г. прокурор Ростовской области по своей инициативе принес протест на имя председателя Ростовского областного суда об отмене постановления от 14 февраля 1999 г., которым заявительница была признана виновной в совершении административного правонарушения. Он утверждал, что сопротивление заявительницы действиям сотрудников органов внутренних дел не являлось административным правонарушением, поскольку сотрудники органов внутренних дел действовали незаконно, и что в любом случае административный арест был несоразмерным наказанием.
- 40. 5 марта 2003 г. председатель Ростовского областного суда удовлетворил протест прокурора и отменил соответствующее постановление на том основании, что судья, который признал заявительницу виновной, не изучил обстоятельства дела и не установил виновности заявительницы в совершении какого-либо административного правонарушения. Было установлено, что не было совершено злостного неповиновения сотрудникам органов внутренних дел, поскольку последние проводили расследование уголовного дела, а не занимались охраной

общественного порядка в тот момент, когда заявительница оказала им сопротивление. Было также установлено, что сотрудники органов внутренних дел действовали в нарушение требований процессуального закона.

- 41. 25 августа 2003 г. прокуратура Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону прекратила производство по уголовному делу по фактам предполагаемого ненадлежащего обращения с заявительницей и ее незаконного задержания и ареста в связи с отсутствием состава преступления в действиях сотрудников органов внутренних дел.
- 42. 3 марта 2004 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации отменила постановление о прекращении уголовного дела от 25 августа 2003 г. и возобновила расследование уголовного дела по фактам ненадлежащего обращения с заявительницей и ее незаконного задержания. Прокуратуре Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону был установлен срок предварительного следствия 30 дней. Ход следствия контролировался Генеральным прокурором Российской Федерации. Названное постановление в соответствующей части продуматривало:

«[Заявительница] последовательно настаивала на том, что она воспротивилась незаконному проникновению работников милиции в ее квартиру и производству обыска, не санкционированного прокурором, в связи с чем была подвергнута незаконному задержанию и аресту, а также избиению <...>

Судебно-медицинская экспертиза выявила [у заявительницы] многочисленные следы побоев <...>, которые по сроку давности и механизму образования объективно подтверждают ее показания. Обстоятельства получения потерпевшей повреждений в ходе расследования не выяснены.

Протокол об административном правонарушении и протокол об административном задержании [заявительницы], составленные 13.02. 1999 <...> содержат ложные сведения об участии понятых <...>. Эти обстоятельства в полной мере не расследованы, несмотря на то, что оба документа легли в основу административного ареста [заявительницы]. В возбуждении уголовного дела в отношении [сотрудника милиции, составлявшего протоколы] 29.04.2003 необоснованно отказано <...>».

- 43. 19 апреля 2004 г. государство-ответчик в своем письме заявило, что расследование соответствующего уголовного дела не завершено. Стороны не предоставили информации о дальнейшем ходе расследования.

II. Применимое национальное законодательство

1. По вопросу о злостном неповиновении законному распоряжению или требованию работника милиции

Положения Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, действовавшего до 1 июля 2002 г., в части, применимой в настоящем деле, гласят:

Статья 165

«Злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника, <...> влечет наложение штрафа в размере от десяти до пятнадцати минимальных размеров оплаты труда, <...>, либо исправительные работы на срок от одного до двух месяцев <...>, а в случае, если по обстоятельствам дела применение этих мер будет признано недостаточным, — административный арест на срок до пятнадцати суток».

2. По вопросу о допросе свидетелей

Положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, действовавшего до 1 июля 2002 г., в части, применимой к настоящему делу, гласят:

Статья 155. Порядок вызова свидетеля

«Свидетель вызывается к следователю повесткой, которая вручается под расписку свидетелю, а в случае его временного отсутствия — кому-либо из взрослых членов семьи <...> <...>

В повестке должно быть указано: кто вызывается в качестве свидетеля, куда и к кому, день и час явки, а также последствия неявки. Свидетель также может быть вызван также телефонограммой или телеграммой».

Статья 157. Место допроса свидетеля

«Свидетель допрашивается в месте производства следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения свидетеля».

3. Санкция на арест и содержание под стражей

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в части, применимой к настоящему делу, гласит:

Статья 22

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Глава 19 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусматривает, что милиция может задерживать лицо в административном порядке для предупреждения административного правонарушения, установления личности, составления протокола о совершенном административном правонарушении, если это является необходимым и не может быть сделано на месте, и для обеспечения эффективного разбирательства и исполнения решений по административным делам. Статья 242 кодекса предусматривает, в частности, что срок административного задержания не может превышать трех часов, за исключением некоторых категорий правонарушителей, в том числе тех, кто оказал злостное неповиновение милиции, которые могут быть задержаны до тех пор, пока их дело не будет рассмотрено судьей районного (городского) суда или вышестоящим должностным лицом милиции. Статья 240 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях закрепляет требования к протоколу задержания.

Кодекс РСФСР об административных правонарушениях не предусматривал возможности обжалования административного ареста назначенного судьей. В части, применимой к настоящему делу, он предусматривал:

Статья 266

«Постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано лицом, в отношении которого оно вынесено, а также потерпевшим.

Постановление районного (городского) народного суда или судьи о наложении административного взыскания является окончательным и обжалованию в порядке производства по делам об административных правонарушениях не подлежит <...>».

Статья 274

«Постановление народного судьи по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями <...>, 165 <...>, может быть отменено или изменено по протесту прокурора самим народным судьей, а также независимо от наличия протеста прокурора председателем вышестоящего суда».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

44. Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявительница жаловалась на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел во время ее задержания и содержания под стражей в отделе внутренних дел. Она также жаловалась на то, что ее жалобы на ненадлежащее обращение не были эффективным образом расследованы, как того требуют процессуальные обязательства, предусмотренные статьей 3 Конвенции. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. По вопросу о предполагаемом жестокое обращении с заявительницей со стороны сотрудников органов внутренних дел

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

45. Заявительница утверждает, что 13 февраля 1999 г. она была задержана таким образом, что были нарушены требования статьи 3 Конвенции. Далее она утверждала, что подвергалась избиениям со стороны сотрудников, которые допрашивали ее после доставления ее в отдел внутренних дел, позднее в тот же день, когда заявительница отказалась впустить сотрудников органов внутренних дел в свою квартиру, они также избили ее. Заявительница утверждает, что ей были причинены телесные повреждения в виде синяков и ссадин, и что вследствие такого обращения она была подвергнута унижению. Заявительница также указывает на то, что после избиений ей не оказывалась медицинская помощь.

46. Заявительница представила заключение, полученное в результате медицинского осмотра вскоре после ее освобождения, в котором указывались травмы соответствующие представленным ею описанием событий.

47. Государство-ответчик в своем меморандуме от 15 марта 2004 г. и письме от 19 апреля 2004 г. утверждает, что по поводу утверждений заявительницы о ненадлежащем обращении с ней проводится расследование. Государство-ответчик проинформировало Европейский Суд о том, что Генеральная прокуратура Российской Федерации провела проверку материалов уголовного дела № 3467098, касающегося предполагаемого превышения полномочий сотрудниками органов внутренних дел, и 3 марта 2004 г. возобновила расследование указанного уголовного дела. Государство-ответчик утверждает, что до окончания расследования соответствующего уголовного дела оно не может представить комментарии по существу жалоб заявительницы в этой части.

48. После этого государство-ответчик не представляло дополнительной информации о ходе расследования соответствующего уголовного дела и фактах, установленных в ходе расследования.

2. Мнение Европейского Суда

49. Европейский Суд напоминает, что «в случае, когда состояние здоровья лица, заключенного под стражу в полиции, является удовлетворительным, и это лицо оказывается травмированным на момент освобождения, на власти государства возлагается обязанность представить правдоподобное объяснение причин появления таких травм; в противном случае встает вопрос о соблюдении требований статьи 3 Конвенции» (см. постановление Европейского Суда от 27 августа 1992 г. по делу «Томази против Франции» [*Tomasi v. France*], серия «А», №241-А, стр. 40—41, § 108—111, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» [*Selmouni v. France*], жалоба №2580394, § 87, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-V).
50. Оценивая доказательства, Европейский Суд, как правило, применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения» (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» [*Ireland v. the United Kingdom*], серия «А», №25, стр. 64—65, § 161). При этом соответствующие доказательства могут вытекать из сосуществования достаточно убедительных, четких и согласующихся умозаключений или аналогичных неопровергнутых предположениях о фактах. В случае, когда рассматриваемые события целиком или в большей части находятся в ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей в местах содержания под стражей, убедительные презумпции факта будут иметь место тогда, когда речь идет о телесных повреждениях, причиненных этим лицам, во время их содержания под стражей. В действительности бремя доказывания может рассматриваться как возложение на властей обязанности предоставить достаточное и убедительное объяснение (см. постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» [*Ribitsch v. Austria*] от 4 декабря 1995 г., серия «А», №336, § 34, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» [*Salman v. Turkey*], жалоба №2198693, § 100, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-VII).
51. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик не оспаривало изложение событий заявительницей или содержание представленного ею медицинского заключения. Расследование, проведенное в 2003—2004 гг., не установило каких-либо новых обстоятельств или доказательств, о которых сообщала заявитель. Равно как государство-ответчик не представило альтернативного объяснения того, каким образом заявительнице были причинены телесные повреждения. В частности, в качестве общего отправного момента можно предположить, что соответствующие телесные повреждения не были причинены заявительнице до того момента, как она была взята под стражу в отделе внутренних дел.
52. Более того, государство-ответчик признаёт, что утверждения заявительницы правдоподобны. В частности, Генеральная прокуратура Российской Федерации подтвердила, что заявительница последовательно в полном объеме настаивала на своих утверждениях о ненадлежащем обращении с ней и отметила, что телесные повреждения, зафиксированные медицинским специалистом, соответствовали описанию событий, представленному заявительницей (см. выше, пункт 42 настоящего постановления).
53. Европейский Суд отмечает, что сотрудники органов внутренних дел ожидали, что заявительница предоставит им информацию об убийстве, предположительно совершенном Л., который считался ее сожителем. Европейский Суд обращает внимание на разночтения в утверждениях органов власти о причинах доставления заявительницы в отдел внутренних дел и пришел к выводу, что заявительница было доставлена туда для допроса в качестве свидетеля по делу об упомянутом преступлении, а не в связи с незначительным административным правонарушением, использованным в качестве предлога. В ходе соответствующего допроса не были обеспечены обычные процессуальные гарантии, предусмотренные законодательством Российской Федерации: так, не велся протокол допроса, отсутствовал доступ к адвокату и так далее, таким образом, Европейский Суд не может исключить применение силы со стороны сотрудников органов внутренних дел с целью получения информации от заявительницы.
54. Принимая во внимание последовательные и подробные утверждения заявительницы, подкрепленные медицинским заключением, и учитывая отсутствие какого-либо иного правдоподобного объяснения происхождения телесных повреждений, имевшихся у заявительницы после освобождения ее из-под стражи, Европейский Суд соглашается с утверждениями заявительницы о жестоком обращении с ней со стороны сотрудников органов внутренних дел.
55. Что касается тяжести актов жестокого обращения, Европейский Суд напоминает, что для определения того являлась ли конкретная форма ненадлежащего обращения пыткой, необходимо принять во внимание различия, закрепленные в статье 3 Конвенции, между понятием пытки и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Очевидно, существовало намерение путем проведения такого различия особо выделить в Конвенции случаи бесчеловечного обращения, причиняющие очень серьезные и жестокие страдания. Европейский Суд ранее рассматривал дела, в которых он устанавливал случаи обращения, которые могли быть охарактеризованы только как пытка (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 г. по делу «Аксой против Турции» [*Aksoy v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-VI, стр. 2279, § 64; постановление Европейского Суда от 25 сентября 1997 г. по делу «Айдын против Турции» [*Aydin v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VI, стр. 1891—1892, § 83—84 и 86; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции», § 105; постановление Европейского Суда по делу «Дикме против Турции» [*Dikme v. Turkey*], жалоба №2086992, § 94—96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-VIII, и, среди последних источников, постановление Европейского Суда по делу «Баты и другие заявители против Турции» [*Bati v. Turkey*], жалобы №3309796 и 5783400, § 116, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004).
56. Имевшие место случаи жестокого обращения были направлены на формирование у заявительницы чувства страха и неполноценности, причинение ей страданий, что могло оскорбить ее и унижить ее достоинство, а также возможно сломить ее морально и физически. В любом случае, Европейский Суд отмечает, что в отношении лишенных свободы лиц применение физической силы, которое не было строго необходимым с учетом их собственного поведения, унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением права, закрепленного статьей 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции»).
57. Европейский Суд пришел к выводу, что в настоящем деле наличие физической боли или страдания подтверждается

медицинским специалистом и утверждениями заявительницы о жестоком обращении с ней во время содержания ее под стражей. Последовательность событий также указывает на то, что боль и страдание были причинены ей намеренно, в частности в целях получения от нее информации относительно Л. (см. выше, пункты 53—54 настоящего постановления).

58. Для оценки тяжести «боли и страдания», причиненных заявительнице, Европейский Суд принял во внимание все обстоятельства дела, такие как продолжительность ненадлежащего обращения, его физические и психические последствия, и как в ряде дел, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Баты против Турции», § 120). Европейский Суд отмечает, что в соответствующий период времени заявительнице было всего 19 лет и как женщина она была особенно уязвима при противостоянии с несколькими мужчинами — сотрудниками органов внутренних дел. Более того, жестокое обращение с заявительницей длилось несколько часов, за это время она была дважды избита и подвергнута другим формам насильственного физического и морального давления.
59. При названных обстоятельствах Европейский Суд пришел к выводу, что в целом в данном случае ненадлежащее обращение с заявительницей, с учетом его цели и жестокости, являлось пыткой в значении статьи 3 Конвенции.
60. Европейский Суд пришел к выводу, что в настоящем деле было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

В. По вопросу о предполагаемом непроведении эффективного расследования по фактам жестокого обращения с заявительницей

1. Доводы сторон, изложенные Европейскому Суду

61. Заявительница утверждает, что сразу же после соответствующих событий она подала несколько заявлений о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников органов внутренних дел, причастных к ненадлежащему ее задержанию и ненадлежащему обращению с ней; что она назвала их имена, звания и указала на то, что может опознать их; что она прикладывала копию заключения медицинского специалиста, подтверждавшего причинение ей телесных повреждений. Однако ни одно из ее заявлений не привело к желаемому результату и никакого расследования не проводилось до момента официального уведомления государства-ответчика о рассмотрении жалобы заявительницы Европейским Судом. Что касается расследования, проведенного в 2003 году, заявительница не считает его немедленным, равно как и эффективным, и более того она настороженно отнеслась к негативной реакции властей в связи с фактом подачи ей жалобы в Европейский Суд и посчитала контакты властей с ней по этому поводу оскорбительными. Поэтому она не принимала активного участия в соответствующем расследовании уголовного дела. Она утверждала, что, хотя предоставила в распоряжение следователя доказательства, ее никогда не информировали о результатах расследования соответствующего уголовного дела.
62. Государство-ответчик не представило пояснений по существу данной части жалобы (см. выше пункты 47—49 настоящего постановления).

2. Мнение Европейского Суда

63. Прежде всего, Европейский Суд считает, что медицинские доказательства, показания и жалобы заявительницы, взятые вместе, приводят к возникновению разумного по-

дозрения о том, что телесные повреждения были причинены заявительнице сотрудниками органов внутренних дел.

64. В случае подачи лицом «доказуемой» жалобы о том, что лицо подвергалось серьезному ненадлежащему обращению со стороны сотрудников полиции в нарушение статьи 3 Конвенции, это положение Конвенции, взятое в совокупности с общей обязанностью государства согласно статье 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в <...> Конвенции», подразумевает необходимость проведения эффективного официального расследования. Такое расследование должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу «Асенов и другие заявители против Болгарии» [*Asenov and Others v. Bulgaria*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VIII, стр. 3290, § 102 и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italia*], жалоба № 2677295, § 131, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV). Минимальные стандарты, касающиеся эффективности расследования, закрепленные в прецедентном праве Европейского Суда, также предусматривают требования о том, что расследование должно быть независимым, беспристрастным и могло подвергаться общественному контролю, и что компетентные власти должны действовать с примерной рачительностью и расторопностью (см., например, постановление Европейского Суда от 24 февраля 2005 г. по делу «Исаева и другие заявители против России» [*Isayeva and Others v. Russia*], жалобы № 5794700, 5794800 и 5794900, § 208—213).
65. Европейский Суд пришел к выводу, что процессуальная обязанность расследовать утверждения заявительницы о ненадлежащем обращении с ней возникла, как только она довела соответствующую информацию до сведения компетентных органов, то есть прокуратуры или вышестоящего подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ее заявления о проведении расследования были поданы в течение одного месяца с момента соответствующих событий и содержали детальное их описание, явным образом указывали на отдельных лиц, и в дополнение к ним было представлено медицинское заключение, подтверждающее изложение событий заявительницей. Однако расследование проведено не было. Служебная проверка, которая была проведена управлением собственной безопасности (см. выше п. 25 настоящего постановления), хотя и закончилась наложением некоторых дисциплинарных санкций, не разглашала имена лиц, подвергнутых дисциплинарному наказанию, и основания для такого наказания. По этой причине сама по себе такая проверка не может рассматриваться в качестве эффективного расследования, и государство-ответчик обоснованно не ссылалось на нее как на такое расследование.
66. Расследование было начато только почти четыре года спустя после обжалуемых событий, когда вопрос был поставлен перед государством-ответчиком в связи с рассмотрением Европейским Судом жалобы заявительницы. Дело расследовалось в порядке уголовного судопроизводства, что, несмотря на его поздний характер, не означало с необходимостью неудачу такого расследования, поскольку материалы дела уже содержали большое количество документальных доказательств, представленных заявительницей. Однако это расследование не было удовлетворительным, поскольку в его рамках не удалось установить фактические обстоятельства дела и рассмотреть вопросы, поставленные перед ним, такие как происхождение

ние телесных повреждений, причиненных заявительнице (см. выше, пункт 42 настоящего постановления).

67. 3 марта 2004 г. Генеральный прокурор Российской Федерации поручил возобновить расследование, но после этого движения дела не было. Таким образом, Европейский Суд не может прийти к иному выводу, кроме того, что в течение последних трех лет власти не исправили недостатков, о которых им было точно известно.
68. Соответственно, было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции по причине отсутствия эффективного расследования по утверждениям заявительницы о ненадлежащем обращении с ней.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ НА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

69. Заявительница также утверждает, что была лишена эффективного средства правовой защиты в связи с ее жалобой на ненадлежащее, по смыслу Конвенции, обращение. Она утверждала, что все ее попытки возбудить соответствующее уголовное дело были безуспешными, равно как и получить возмещение в судах в порядке гражданского судопроизводства. Заявительница ссылается на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

70. Государство-ответчик не представило иных замечаний, кроме как касающихся статьи 3 Конвенции.
71. Европейский Суд напоминает, что статья 13 Конвенции требует, чтобы при наличии могущего быть доказанным нарушения одного или нескольких прав, гарантированных Конвенцией, жертва имела бы доступ к механизму установления ответственности государственных должностных лиц или органов за такое нарушение. Договаривающимся Государствам предоставлены определенная свобода усмотрения в том, каким образом они выполняют свои обязательства согласно данному положению Конвенции. Как правило, если какое-либо одно средство правовой защиты само по себе полностью не соответствует требованиям статьи 13 Конвенции, совокупность средств правовой защиты, предусмотренных национальным правом, может удовлетворять требованиям статьи 13 Конвенции (см., среди прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła v. Poland*], жалоба № 3021096, § 157, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XI; см. также постановление Европейского Суда по делу «Чонка против Бельгии» [*Conka v. Belgium*], жалоба № 5156499, § 75, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-I).
72. Однако объем обязательств государства согласно статье 13 Конвенции различается в зависимости от характера жалобы заявителя, и в некоторых случаях Конвенция требует обеспечение заявителю доступа к определенному средству правовой защиты. Так, в случаях, когда речь идет о смерти при подозрительных обстоятельствах или ненадлежащем обращении, с учетом фундаментальной важности прав, охраняемых статьями 2 и 3 Конвенции, статья 13 Конвенции требует в дополнение к выплате компенсации в подходящих случаях проведения тщательного и эффективного расследования, которое могло бы

привести к установлению и наказанию виновных (см. постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии» [*Angelova v. Bulgaria*], жалоба № 3836197, § 161—162, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-IV; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие заявители против Болгарии», § 114 и последующие; постановление Европейского Суда по делу «Сюхейла Айдын против Турции» [*Süheyla Aydın v. Turkey*] от 24 мая 2005 г., жалоба № 2566094, § 208).

73. Исходя из доказательств, представленных по настоящему делу, Европейский Суд признал органы государственной власти ответственными за причинение телесных повреждений заявительнице 13 февраля 1999 г. Часть жалоб заявительницы в связи с названными фактом властям Российской Федерации были основаны на тех же доказательствах и поэтому «являются подлежащими доказыванию» для целей статьи 13 Конвенции (см. постановление Европейского суда от 27 апреля 1988 г. по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» [*Boyle and Rice v. the United Kingdom*], серия «А», № 131, стр. 23, § 52). Таким образом, на власти была возложена обязанность провести эффективное расследование по жалобам заявительницы на сотрудников органов внутренних дел. По причинам, изложенным выше, нельзя полагать, что было проведено эффективное уголовное расследование. Следовательно, любое иное средство правовой защиты, доступное заявительнице, в том числе подача иска о возмещении вреда, имели ограниченные шансы на успех. В то время как суды, рассматривающие гражданские дела, вправе самостоятельно давать независимую оценку вопросам факта, на практике значимость, придаваемая предшествующему уголовному расследованию, настолько важна, что даже самые убедительные доказательства, противоречащие выводам такого расследования, представленные истцом, во многих случаях были бы признаны «не относящимися к делу». Гражданское судопроизводство, возбужденное заявительницей, продемонстрировало это. Суд просто согласился с мнением прокурора о том, что жалоба заявительницы безосновательна, не проведя оценки фактов по делу (см. выше пункты 29—30 настоящего постановления). Таким образом, при обстоятельствах данного дела иск о возмещении вреда был лишь теоретическим и иллюзорным средством правовой защиты, с помощью которого заявительница не могла получить соответствующее возмещение.
74. Поэтому Европейский Суд пришел к выводу, что заявительнице не было предоставлено эффективного внутривластного средства правовой защиты в связи с ненадлежащим обращением с ней со стороны сотрудников органов внутренних дел. Следовательно, в данном случае было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЕЙ 5 И 6 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С АДМИНИСТРАТИВНЫМ АРЕСТОМ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

75. Заявительница жалуется в Европейский Суд на то, что ее задержание 13 февраля 1999 г., содержание под стражей в течение ночи в отделе внутренних дел и последующий пятидневный административный арест были незаконными. Эту часть жалобы Европейский Суд рассмотрит в свете статей 5 и 6 Конвенции, которые гласят:

Статья 5

Право на свободу и личную неприкосновенность

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосно-

венность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

<...>

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным

<...>».

Статья 6

Право на справедливое судебное разбирательство

«1. Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое <...> разбирательство дела <...> судом...».

- 76.** Государство-ответчик признаёт, что задержание заявительницы и ее административный арест были незаконными. Однако оно утверждает, что заявительница утратила статус «жертвы» предполагаемых нарушений в этой части. Они ссылались на постановление председателя Ростовского областного суда от 5 марта 2003 г., которым было установлено, что задержание заявительницы не соответствовало национальному законодательству, и которым было отменено постановление от 14 февраля 1999 г.
- 77.** По мнению государства-ответчика, это процессуальное решение дало заявительнице возможность требовать компенсации путем подачи самостоятельного заявления в порядке гражданского судопроизводства о компенсации морального вреда, причиненного незаконным лишением свободы в соответствии со статьями 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации. Государство-ответчик полагает, что поскольку заявительница не подавала соответствующего заявления о возмещении вреда, она не исчерпала внутригосударственных средств правовой защиты и, соответственно, Европейский Суд должен отклонить данную часть ее жалобы в отношении ее ареста.
- 78.** Заявительница не соглашается с доводами государства-ответчика и настаивает на своей жалобе.
- 79.** В своих возражениях государство-ответчик просило Европейский Суд признать, что постановление от 5 марта 2003 г. повлияло на статус заявительницы как «жертвы»

нарушения Конвенции и что она должна обратиться за компенсацией. Однако Европейский Суд отмечает, что по сути такое же возражение уже выдвигалось государством-ответчиком и было отклонено Европейским Судом в решении по вопросу о приемлемости настоящей жалобы. Соответственно, Европейский Суд не будет рассматривать возражение государства-ответчика.

А. По вопросу о законности содержания заявительницы под стражей

- 80.** Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что стороны не оспаривали того факта, что задержание заявительницы, содержание ее под стражей в течение ночи в отделе внутренних дел и последующий пятидневный административный арест имели результатом лишение свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.
- 81.** Первый вопрос, который предстоит рассмотреть, состоит в том, охватывалось ли содержание заявительницы под стражей каким-либо из оснований, разрешающих лишение свободы, перечисленных в пункте 1 статьи 5 Конвенции. Европейский Суд отмечает, что содержание заявительницы под стражей характеризуется двумя определенными периодами времени, то есть до и после встречи с судьей 14 февраля 1999 г. В этот день на заявительницу был наложен пятидневный административный арест в связи с административным правонарушением, которое она предположительно совершила; соответственно, после этой даты содержание заявительницы под стражей имеет четкие основания. Что касается предшествующего содержания под стражей в течение ночи, то в принципе оно необъяснимо. Европейский Суд рассмотрит названные периоды содержания под стражей отдельно.

1. По вопросу о задержании заявительницы и ее содержании под стражей в течение ночи

- 82.** Европейский Суд отмечает, что в один из периодов содержания под стражей заявительнице было предъявлено официальное обвинение в совершении административного правонарушения, и теоретически можно было предположить, что она была задержана на основании статьи 242 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях до момента рассмотрения соответствующего административного материала судьей. Тем не менее, как представляется, истинной причиной доставления ее в отдел внутренних дел было принуждение ее к разглашению информации в связи с делом Л., а также принуждение ее к выдаче ключа от ее квартиры. Обвинение заявительницы в совершении административного правонарушения, очевидно, было лишь поводом для того, чтобы сделать возможным названный ее допрос.
- 83.** При таких обстоятельствах Европейский Суд может не рассматривать вопрос о том, было ли заключение под стражу заявительницы в течение ночи в какой-либо степени обусловлено какими бы то ни было подпунктами пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку в любом случае будут применяться следующие соображения.
- 84.** Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что документы о первоначальном задержании заявительницы и ее содержании под стражей в течение ночи в отделе внутренних дел впоследствии не были установлены (см. выше пункт 27 настоящего постановления). Таким образом, в течение примерно 20 часов после задержания заявительницы не существовало записей о ее личности, причинах ее задержания и ожидаемой продолжительности ее содержания под стражей. Даже если предположить, что сотрудники органов внутренних дел намеревались на-

стаивать на обвинении в совершении административного правонарушения, это не освобождает их от необходимости соблюсти основные процессуальные формальности до взятия заявительницы под стражу. Факт несоблюдения ими процессуальных формальностей сам по себе должен рассматриваться как наиболее серьезное упущение, поскольку Европейский Суд неоднократно и последовательно отмечал, что неподтвержденное заключение лица под стражу полностью отрицает принципиально важные гарантии, закрепленные в статье 5 Конвенции, и представляет собой наиболее серьезное нарушение положений названной статьи Конвенции. Отсутствие фиксирования таких данных, как дата, время и место содержания под стражей, имени задержанного, основания для заключения под стражу и лица, производящего заключение под стражу, должно рассматриваться как несовместимое с требованиями законности и подлинной целью статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Ангелова против Болгарии», § 154; постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» [*Kurt v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-III, § 125).

- 85.** Более того, из замечаний государства-ответчика, представленных после вынесения решения по вопросу приемлемости, может быть сделан вывод о том, что задержание заявительницы было незаконным согласно положениям национального законодательства (см. выше пункты 39—40 настоящего постановления).
- 86.** Исходя из изложенного, Европейский Суд пришел к выводу, что период содержания заявительницы под стражей до того момента, как она предстала перед судьей 14 февраля 1999 г., не соответствует гарантиям, предусмотренным пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Соответственно было допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции.

2. По вопросу о пятидневном административном аресте заявительницы по обвинению в злом неподчинении требованию сотрудников органов внутренних дел

- 87.** 14 февраля 1999 г. заявительница была доставлена к судье, который постановил, что заявительница злостно не повиновалась законному требованию сотрудников органов внутренних дел, то есть совершила административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, и назначил ей наказание в виде пяти дней административного ареста. 5 марта 2003 г. названное постановление было признано незаконным и отменено. Следует определить, не предрешая существа жалобы согласно статье 6 Конвенции, основанной на том же постановлении, было ли совместимым со статьей 5 Конвенции отбытие наказания после признания заявительницы виновной по результатам рассмотрения судьей административного материала.
- 88.** Европейский Суд напомнил следующие общие принципы, которые были закреплены в постановлении Европейского Суда от 10 июня 1996 г. по делу «Бенхам против Соединенного Королевства» [*Benham v. the United Kingdom*] (Сборник постановлений и решений Ев-

ропейского Суда по правам человека 1996-III, § 40—42) и применены в других делах (см. постановление Европейского Суда от 1 марта 2005 г. по делу «Ллойд и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Lloyd and Others v. the United Kingdom*], жалоба № 2979896; постановление Европейского Суда от 12 октября 1999 г. по делу «Перкс и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Perks and Others v. the United Kingdom*], жалоба № 2527794):

«40. Главный вопрос, который должен быть решен по настоящему делу, — это было ли оспариваемое заключение под стражу «законным», в том числе то, соответствовало ли оно процедуре, предписанной законом. Европейская конвенция по существу данного дела отсылает к национальному законодательству и указывает, что обязательства должны соответствовать ее основным процессуальным правилам, но требует в качестве дополнения, что любое лишение свободы не должно противоречить целям статьи 5 Конвенции, а именно защищать отдельных лиц от произвола <...>».

41. Именно национальные власти, в особенности суды, находятся в лучшем положении при толковании и применении национального законодательства. Несмотря на то, что в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции несоблюдение национального законодательства влечет за собой нарушение положений Конвенции, Европейский Суд придерживается мнения, что ему следует использовать свои полномочия для рассмотрения вопроса о том, был ли соблюден закон.

42. Содержание под стражей было бы в принципе законным, если бы оно было осуществлено в соответствии с приказом суда. Последующее решение о том, что суд допустил ошибку согласно национальному законодательству в издании приказа, не обязательно отразится на юридической силе промежуточного содержания под стражей. По этой причине Конвенционные органы последовательно отказали в удовлетворении жалобы лиц, осужденных за уголовные преступления, которые жаловались на то, что их осуждение или приговор были признаны апелляционным судом ошибочными на ошибках в фактах и в праве».

- 89.** Европейский Суд отмечает, что пятидневный административный арест был исполнен в соответствии с постановлением судьи, который в принципе был полномочен принять соответствующее процессуальное решение. Правильность такого процессуального решения по существу, как правило, не подпадает под надзор, осуществляемый Европейским Судом, как это следует из прецедентного права, указанного выше. Однако данное дело отличается от дел, где оспариваемые процессуальные решения были приняты судебными властями добросовестно в соответствии с процедурой, предусмотренной законом. Судья в настоящем деле, напротив, использовал свои полномочия, явно противореча процессуальным гарантиям, предусмотренным Конвенцией. Поэтому вынесенное им постановление об административном аресте несовместимо с общей защитой от произвола, гарантированной статьей 5 Конвенции.
- 90.** Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с пятидневным административным арестом заявительницы.

Окончание в следующем номере.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

(окончание, начало см. в № 2 журнала за 2007 год)

В. По вопросу о праве на справедливое судебное разбирательство

1. *Применимость пункта 1 статьи 6 Конвенции*

91. Хотя применимость положений статьи 6 Конвенции к административному производству, рассматриваемому в настоящем деле, не оспаривается, Европейский Суд счел необходимым рассмотреть этот вопрос по собственной инициативе. По причинам, изложенным ниже, Европейский Суд счел, что данное производство касалось спора о правах при предъявлении заявительнице уголовного обвинения.

92. Европейский Суд напомнил, что для определения квалификации правонарушения как «уголовного» для целей применения Конвенции, прежде всего, необходимо определить, относятся ли положения права Российской Федерации, определяющие правонарушение, к сфере уголовного права; далее необходимо рассмотреть «саму суть правонарушения» и степень суровости возможного наказания (см. постановление Европейского Суда от 21 февраля 1984 г. по делу «Ёзтюрк против Германии» [*Öztürk v. Germany*], серия «А», № 73, стр. 18, § 50; и постановление Европейского Суда по делу «Демиколи против Мальты» [*Demicoli v. Malta*] от 27 августа 1991 г., серия «А», № 210, стр. 15—17, § 31—34).

93. Что касается квалификации деяний в национальном законодательстве, Европейский Суд ранее изучил сферу, определяемую в некоторых правовых системах как «административная», и установил, что она охватывает некоторые правонарушения, которые по своей сути являются уголовными, но слишком незначительными для того, чтобы на них распространялось действие норм уголовного права и уголовного процесса (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 1995 г. по делу «Палаоро против Австрии» [*Palaoro v. Austria*], серия «А», № 329-В, стр. 38, § 33—35). В российской правовой системе такое же положение вещей.

94. Европейский Суд также отмечает, что лишение свободы, установленное в качестве наказания за правонарушение, как правило, относится к сфере уголовного права, если только по своей природе, продолжительности или способу исполнения правонарушение не причиняет значительного ущерба (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов» [*Engel and Others v. Netherlands*], серия «А», № 22, § 82—83, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Езе и Коннорс против Соединенного Королевства» [*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*], жалобы № 3966598 и 4008698, § 69—130, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО «МЕНШЕВА ПРОТИВ
РОССИИ»***

(жалоба № 59261/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
9 марта 2006 г.

2003-Х). В настоящем деле заявительница была лишена свободы на пять дней и была помещена в изолятор временного содержания на весь срок ее наказания. Наконец, цель наказания была исключительно карательной.

95. Указанных соображений достаточно для установления того, что правонарушение, в совершении которого была обвинена заявительница, могла быть квалифицировано как «уголовное» для целей Конвенции. Следовательно, статья 6 Конвенции применима в настоящем деле.

2. *По вопросу, имело ли место справедливое судебное разбирательство по делу заявительницы*

96. Государство-ответчик согласно с тем, что рассмотрение административного материала в отношении заявительницы не соответствовало ни положениям законодательства Российской Федерации, ни положениям Конвенции. Действительно, в постановлении суда, которым было отменено постановление об административном аресте заявительницы, указывалось, что «судья, который признал заявительницу виновной, не изучил обстоятельства дела и не установил виновности заявительницы в совершении какого-либо административного правонарушения». Это подтверждает утверждения заявительницы о том, что при рассмотрении административного материала в отношении заявительницы не только не было состязательного процесса, но игнорировались даже формальные признаки судебного разбирательства до такой степени, что у заявительницы не было шансов выяснить цель ее доставления к судье П.

97. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. ПО ВОПРОСУ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

98. Заявительница жалуется в Европейский Суд на то, что согласно законодательству Российской Федерации постановление о наложении на нее административного ареста не могло быть обжаловано. Поэтому она утверждает, что в связи с этим в ее распоряжении не было эффективного средства правовой защиты. Заявительница ссылается на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Данная часть жалобы была объявлена приемлемой согласно пункту 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

От редакции: по делу заявительница обратилась в Европейский Суд с жалобой на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, непроведение властями эффективного расследования по эти фактам, незаконный арест и задержание, равно как и на недоступность эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в связи с ее делом. Европейский Суд счел, что в отношении заявительницы российские органы правопорядка допустили нарушения статьи 3, 5, 6 и 13 Конвенции, и постановил выплатить заявительнице 25 рублей в качестве компенсации материального ущерба и 35 тысяч евро в качестве компенсации морального вреда.

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

99. Государство-ответчик согласно с тем, что законодательство Российской Федерации не допускает обжалования постановления о наложении административного ареста.
100. Прежде всего, Европейский Суд напоминает сделанный им вывод о том, что постановление о наложении административного ареста на заявительницу было вынесено «судом, созданным на основании закона» в ходе разбирательства, подпадающего под действие статьи 6 Конвенции (см. выше, пункты 90 и 95 настоящего постановления).
101. Европейский Суд напомнил, что право на средство от ошибочного судебного решения не признаётся в качестве общей гарантии (см. постановление Европейского Суда от 17 января 1970 г. по делу «Делькур против Бельгии» [*Delcourt v. Belgium*], серия «А», № 11, стр. 14, § 25). Это право предусмотрено в случаях, касающихся рассмотрения уголовных дел в свете статьи 2 Протокола № 7 к Конвенции, за исключением незначительных правонарушений. Однако заявительница не ссылалась на указанную статью и не представила доводов о том, что уголовное обвинение, выдвинутое против нее, касалось чего-либо еще, кроме как «незначительного правонарушения». Европейский Суд не счел необходимым рассматривать этот вопрос по собственной инициативе.
102. Что касается статьи 13 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции является специальной нормой по отношению к статье 13 Конвенции, иными словами требования статьи 13 Конвенции являются менее строгими, чем требования статьи 6 Конвенции, а в настоящем деле требования последней статьи поглощают требования первой (см. постановление Европейского Суда по делу «Камасински против Австрии» [*Kamasinski v. Austria*] от 19 декабря 1989 г., серия «А», № 168, стр. 45—46, § 110). Как правило, статья 13 Конвенции не применима к случаям, когда предполагаемое нарушение Конвенции имело место в контексте судебного разбирательства (см. постановление Европейского Суда от 26 февраля 1993 г. по делу «Пиццетти против Италии» [*Pizzetti v. Italy*], серия «А», № 257-С, стр. 40—41, § 41). Единственными исключениями из этого принципа были жалобы со ссылкой на статью 13 Конвенции, касающиеся нарушения требования «разумного срока» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła v. Poland*], жалоба № 3021096, § 146—149, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XI). Поскольку в данном случае такого рода нарушения не являются предметом рассмотрения, отсутствует возможность отдельного рассмотрения нарушения статьи 13 Конвенции.
103. Что касается пункта 4 статьи 5 Конвенции, то Европейский Суд отмечает: предоставляемые им гарантии являются избыточными в случае, когда речь идет о содержании под стражей на основании подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку судебный контроль над ограничением свободы уже был предусмотрен при первоначальном признании вины и определении наказания (см. постановление Европейского Суда от 18 июня 1971 г. по делу «Де Вильд, Оомс и Версип против Бельгии» [*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*] (по существу дела), серия «А», № 12, стр. 40, § 76). При обстоятельствах настоящего дела пятидневный административный арест

заявительницы был основан исключительно на факте установления ее вины судьей, поэтому пункт 4 статьи 5 Конвенции не требует пересмотра постановления о наложении на заявительницу пятидневного ареста отдельной судебной инстанцией.

104. На основании вышеизложенного Европейский Суд пришел к выводу, что данная часть жалобы не поднимает отдельных вопросов согласно статье 13 Конвенции и пункту 4 статьи 5 Конвенции.

V. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

105. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. По вопросу о выплате компенсации за причиненный заявительнице материальный ущерб и моральный вред

106. Заявительница требует выплатить ей сумму размером 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда в связи с причинением ей телесных повреждений и страданиями, которые она претерпела в результате ненадлежащего обращения со стороны сотрудников органов внутренних дел, и душевными страданиями, которые она перенесла вследствие рассмотрения административного материала в отношении ее и последовавшего за этим ареста, а также в связи с бездействием властей в ответ на ее жалобы по поводу ненадлежащего обращения.

107. В качестве компенсации материального ущерба заявительница требует выплатить ей сумму размером 25 рублей — деньги, которые она заплатила за пять дней нахождения в спецприемнике при отбытии пятидневного административного ареста.

108. Государство-ответчик не представило комментариев в связи с требованиями заявительницы по вопросу о выплате справедливой компенсации, сославшись в оправдание на незавершенность расследования по фактам ненадлежащего обращения с заявительницей и на возражение о неисчерпании заявительницей средств правовой защиты в связи с ее жалобой на содержание под стражей.

109. Европейский Суд отмечает, что он установил, что в отношении заявительницы со стороны властей были применены пытки и государство не обеспечило незамедлительного и публичного расследования, отвечающего требованиям статьи 3 Конвенции. Также было установлено, что заявительница была лишена свободы в нарушение требований статьи 5 Конвенции и справедливого судебного разбирательства, которое было проведено с нарушением требований статьи 6 Конвенции. Помимо этого заявительница несколько месяцев безуспешно пыталась на внутригосударственном уровне добиться возмещения в связи с актами ненадлежащего обращения. Заявительница претерпела страдания и муки в связи с указанными обстоятельствами. На основании изложенного и исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил выплатить заявительнице сумму размером 35 000 евро в качестве компенсации морального вреда и сумму размером 25 рублей плюс сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанные суммы.

В. Судебные расходы и издержки

- 110.** Заявительница требует выплатить ей сумму размером 5000 рублей в качестве компенсации понесенных судебных расходов и издержек на внутригосударственном уровне и при разбирательстве дела в Европейском Суде, в том числе суммы уплаченных государственных пошлин, расходы на перевод документов, почтовые и канцелярские расходы.
- 111.** Государство-ответчик не представило возражений по этому требованию.
- 112.** На основании изложенного Европейский Суд счел требования заявительницы разумными и присудил ей 5000 рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек плюс сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

- 113.** Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1) постановил, что было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с ненадлежащим обращением с заявительницей;

2) постановил, что было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием эффективного расследования утверждений заявительницы о ненадлежащем обращении с ней;

3) постановил, что было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции по причине отсутствия эффективных средств правовой защиты в связи с обжалуемым ненадлежащим обращением;

4) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с задержанием заявительницы и ее содержанием под стражей в течение ночи;

5) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с пятидневным административным арестом заявительницы;

6) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;

7) постановил, что отсутствуют отдельные вопросы для рассмотрения согласно пункту 4 статьи 5 и статье 13 Конвенции в связи с отсутствием права на обжалование постановления о наложении административного взыскания за совершение административного правонарушения;

8) постановил:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы:

(i) 25 (двадцать пять) рублей в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 35 000 (тридцать пять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в национальную валюту Российской Федерации по курсу на день произведения выплаты;

(iii) 5000 (пять тысяч) рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(iv) сумму налогов, которые могут быть начислены на указанные суммы;

(б) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

9) отклонил остальные требования заявительницы о выплате ей справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, письменные уведомления разосланы 9 марта 2006 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Секции Суда

Христос Розакис
Председатель Палаты

Перевод с английского языка.

Текст перевода предоставлен

Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека¹

¹ В предыдущем номере журнала было ошибочно указано, что авторские права на перевод постановления Европейского Суда по делу «Менешева против России» принадлежат журналу. Редакция журнала приносит свои извинения за эту техническую ошибку и подтверждает, что текст перевода данного постановления был предоставлен Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека (*примечание редакции*).